

ЗВЕРОБОИ ЗАЛИВА АНИВА.

Владимир Контровский

Охота - это древнейшее занятие человечества. Были времена, когда от удачной охоты зависело выживание всего рода-племени. С тех пор много воды утекло, и многое изменилось. В основном охота превратилась в спорт и в развлечение, но ещё совсем недавно кое-где охота велась в промышленных масштабах - на широкую ногу.

Город-порт на рыбьем плавнике и его флот

Остров Сахалин, если посмотреть на карту, похож на рыбу - недаром по-японски он называется Карафугу-Мацу (остров красной рыбы). Хвостовой плавник этой географической рыбки, отделённой проливом Лаперуза от японского острова Хоккайдо, омывается заливом Анива - верхняя часть плавника оканчивается мысом Анива. И аккурат в середине плавника расположен посёлок Анива и город-порт Корсаков. Известен этот небольшой городок прежде всего тем, что он был портом приписки для десятков промысловых судов Корсаковской базы океанического рыболовства (КБОР) - ну как же без рыбалки в водах, где даже острова напоминают формой рыбу? И ещё именно здесь, у Корсакова (тогда он назывался Корсаковский пост), в августе 1904 года после боя с японским крейсером Цусима был затоплен своей командой прорывавшийся из Порт-Артура во Владивосток славный русский крейсер Новик. После русско-японской войны Корсаков вместе со всем Южным Сахалином на сорок лет отошёл к Японии - Россия вернулась сюда только в 1945 году. Во второй половине XX столетия начался бурный рост рыбопромыслового флота СССР - в том числе и на Дальнем Востоке. К причалам Владивостока, Находки, Холмска, Советской Гавани швартовались новенькие плавбазы, транспортные рефрижераторы, траулеры и сейнеры - как отечественной, так и зарубежной постройки. Кадров не хватало (и квалифицированных, и неквалифицированных), и по всем градам и весям необъятного Союза (особенно по тем, где народ жил победнее) ринулись вербовщики - заманивать на край земли лёгких на подъём людей длинным рыбацким рублём. Флот Корсаковской БОР тоже получал пополнение, и среди прочих новинок были суда уникальные, обозначенные краткой аббревиатурой ЗРС. ЗРС расшифровывается как зверобойно-рыболовное судно. Первое, головное так и называлось Зверобой, а его "систер-шипам" присваивали имена, начинающиеся на З: Зубово, Звягино, Задорье, Загоряны. В отличие от устаревших зверобойных шхун, которые раньше промышляли, моржей и тюленей в дальневосточных морях, ЗРСы были судами многоцелевыми - они могли и рыбу ловить, и морского зверя добывать. Сезон охоты ограничен временными рамками: отстрел тюленей, например, был разрешён только с марта по май. В остальные же месяцы года ЗРСы, оснащённые траловыми лебёдками, работали в режиме рыболовных морозильных траулеров. Суда эти, построенные на польских верфях в семидесятых годах прошлого века, представляли собой настоящие небольшие плавучие заводы с конвейерами, морозильными установками, рефрижераторными трюмами и со специализированными отдельными цехами - рыбомучным, мездрильным и жиротопным. Оригинальная дизель-электрическая силовая установка позволяла ЗРСам перераспределять энергию и рационально использовать её и для движения, и для производственных нужд, а прочный корпус усиленного ледового класса давал им возможность плавать во льдах. И это чудо техники (а их насчитывалось до пятнадцати единиц) в первую очередь предназначалось для морского зверобойного промысла - для охоты.

Идёт охота на моржей, идёт охота!

На Дальнем Востоке моржей промышляли в основном в Беринговом море, у острова Карагинский и в Олюторском заливе, реже в Чукотском море - если позволяла ледовая обстановка. Бить моржа в воде (как били белух у Анадыря из оставшихся со времён Великой Отечественной войны противотанковых ружей) - занятие бессмысленное. Взрослый морж весит несколько сот килограмм (до тонны), и как только лёгкие убитого зверя заполняются морской водой, он тут же камнем идёт ко дну - такую тушу на мотобот не выгатишь. Поэтому их стреляли только на берегу, а чаще всего - на больших льдинах, где стада моржей устраивали свои лежбища. Ведь промысел всё-таки не истребление ради убийства - охота велась ради трофеев, которые надо было получить. В зверобойном варианте служба добычи (с ударением на первом слоге - специфика дальневосточного сленга) ЗРСов составлялась не из мастеров тралового дела, а из охотников. Сети-тралы на борт не брали, и мощные траловые лебёдки простаивали. Вместо орудий рыбного лова на промысловые палубы ставили по шесть-семь охотничьих моторных лодок - фангсботов. На каждый фангсбот назначалась команда из трёх человек: старшина бота, матрос и моторист. А добывали морского зверя с помощью скорострельных многозарядных армейских карабинов Симонова - КС. На каждый фангсбот полагалась одна единица оружия, а ответственность за его хранение и за учёт израсходованных патронов возлагалась на старшего тралмастера - начальника службы добычи. На моржовом промысле все бортовые фангсботы не использовались - выбирались лучшие сборные бригады стрелков, одна-две, реже три, сменявшиеся каждый день и бравшие с собой пару карабинов на бригаду. Фангсботы утром спускали грузовыми стрелами на воду, и охотники начинали рыскать между льдин, выскивая скопления зверя. Иногда стадо находили прямо с борта судна; а если уже темнело, то тихо ждали до утра, остановив двигатели - чтобы не спугнуть. Подобравшись к стаду, охотники открывали пальбу из всех стволов, стараясь взять на мушку матерых самцов-секачей - тех, что лежали на льду подальше от воды. Моржи в панике, давя друг друга, спешили плюхнуться в море и нырнуть, но удавалось это далеко не всем "морским коням" (по-латыни морж - это "морской конь, ходящий на зубах"). На льду оставалось два-три десятка мёртвых туш, и припорошенный снегом белый лёд обильно окрашивался красным. После этого ЗРС подходил прямо к льдине (осторожно, чтобы не напороться на подсов - ледяной подводный выступ), и добычу лебёдками затаскивали на промысловую палубу. А потом начиналось самое грязное - потрошение и разделка туш. Обычно этим занимались добытчики и обработчики, но когда зверя было много, то на подмогу вызывалась подвахта из прочих судовых служб. Морж подвешивался на грузовом гаке, и тушу медленно поднимали вверх, облегчая процесс снятия шкуры. Потом мёртвому зверю выпускали потроха - аромат по палубе, понятное дело, растекался незабываемый. Тушу разделяли на несколько частей, которые затем рубили топорами на более мелкие куски. Мясо вместе с костями кидали в мощную мясорубку, и вниз, на транспортёрную ленту рыбцеа, сыпался уже мясокостный фарш. Туда же, в приёмник мясорубки, отправляли изрезанную на небольшие квадраты шкуру - иного применения ей не было. А голову с клыками оттаскивали в сторону, где бивни - тот самый "рыбий зуб" хроник времён Великого Новгорода и Ивана Грозного - отделялись от черепа при помощи зубила и молотка и заботливо складировались. Мясокостным же фаршем наполняли алюминиевые блок-формы, пропускали эти противни через плиточные морозилки, а готовые замороженные брикеты укладывали в стандартные картонные коробки и отправляли в трюм. Три трюма ЗРСа вмещали до пятисот тонн готовой продукции - это не меньше тысячи переработанных

моржей. После разделки промысловая палуба выглядела жутковато. Её сплошь покрывали костяная крошка и остатки потрохов, клочки мяса висели на фальшбортах и на переборках надстроек, а люди казались только что вышедшими из жестокого штыкового боя - они были забрызганы кровью с ног до головы. Деревянный настил палубы расщеплялся под ударами топоров - его приходилось менять после каждого такого рейса. Так было на Зубово в 1983 году, когда это судно добыло свыше девятист моржей и семь с лишним тысяч тюленей...

Снимай пиджак!

Охота на тюленей отличалась от промысла моржа. На тюленей охотились и в Охотском море, у Шантарских остров, неподалёку от посёлка Аян; и тут уже задействовались все фангсботы. С первыми лучами солнца их спускали на воду, охотники занимали свои места, и мотоботы шустро разбегались в разные стороны в поисках добычи и удачи. Тюленей били и на льду, и на воде - добычу можно успеть (если не зевать) подцепить специальным крюком-абгалдырем. Тюлень в среднем тянет килограмм на сорок, и поднять его с воды можно. Настреляв десять-пятнадцать зверей, бот притыкался к подходящей ровной льдине, туши выволакивали на лёд, где с них снимали "пиджаки" - меховые шкуры - и потрошили. Загрузившись по планширь шкурами и мясом (иногда за день один фангсбот добывал до сотни тюленей), охотники возвращались к судну, разгружались и плыли охотиться дальше. Днём перекусить на борту удавалось редко - в основном ели без отрыва от производства. К выхлопной трубе дизеля мотобота (там для этой цели оборудовался специальный ящик) приставляли котелок с водой, куда кидали картошку и мясо, - пока суть да дело, глядишь, обед и поспел! Впрочем, охваченные охотничьим азартом зверобой о еде беспокоились не слишком. Объектом промысла были так называемые меховые тюлени (по науке их называют настоящими - в отличие от ушастых тюленей). Ларга, или пятнистый тюлень, со светлой шкурой, усеянной многочисленными тёмными пятнами, словно у леопарда. Крылатка, или полосатый тюлень, - у этого на шее и вокруг передних лап на тёмном фоне шкуры резко выделяются широкие жёлтые полосы, словно нарисованные кистью. Акиба, или кольчатая нерпа, - зверь-невеличка (его называли "рукавицей"), с чуть рыжеватым светлым мехом и кольцеобразными пятнами на шкуре. Был ещё лахтак, или морской заяц, - травоядный, в отличие от трёх предыдущих представителей тюленьего племени. Весил этот "зайчик" до ста пятидесяти килограмм, и брали его только на льду - тяжеловат, особо не потягаешь. Зато он не опасен, а хищный тюлень-рыбодед может в агонии и палец отхватить. С мясом тюленей обходились так же, как и с моржовым мясом - на фарш его. А вот процесс обработки шкур был несколько сложнее. На палубе со шкур срезались остатки мяса, а сами "пиджаки" подавались в мездрильную машину. Ребристый барабан мездрилки снимал с них слой подкожного жира, который потом перетапливался, доводился до янтарного цвета и до жидкой консистенции и сливался в специальные жировые танки. Обработанные же шкуры заливались крепким соляным раствором - тузлуком - и упаковывались в бочки. На тюленьем промысле добытчикам приходилось куда тяжелее, чем на промысле моржей. Холодные дальневосточные моря в апреле месяце совсем не напоминают Чёрное море в июле; фангсботы гонялись за добычей сутками, и значительная часть самой грязной работы по разделке тоже ложилась на плечи охотников. Случались и опасные приключения. Однажды за возвращавшимся к судну тяжело грузёным фангсботом увязалась касатка, привлечённая запахом крови. При своих размерах касатке - пожелай он вдруг такого - не составило бы особого труда перевернуть утлую скорлупку бота. Стрелять из карабина в громадную зверюгу - самоубийство, а оказаться в ледяной воде рядом с самым страшным хищником северных морей - тоже приятного мало. Пришлось выкидывать за борт добытых тюленей, тушу за тушей, облегчая бот и смиряя разыгравшийся аппетит касатки. И только когда в воду плюхнулась последняя туша, касатка отстала, словно догадавшись, что с людей ей больше взять нечего. В другой раз фангсбот с разгона налетел на подсов и перевернулся. К счастью, люди выбрались на лёд и спасли рацию - судно подоспело к потерпевшим кораблекрушение без промедления. Охотники отделались испугом, потерянной добычей и промокшей одеждой, да ещё долгой морокой с написанием объяснительных по поводу утопления карабина - в те времена за огнестрельным оружием, да ещё боевого класса, следили очень строго.

Быт и нравы

Люди на борту ЗРСов (да и промысловых судов вообще) собирались самые разные. Комсостав - штурмана и механики - эти были выпускниками разных мореходных училищ, сознательно выбравшими профессию моряка, а вот рядовой состав (особенно обработчики) являл собой очень пёструю картину: с бору по сосенке, сборная солянка. Среди них можно было встретить и человека с сомнительным прошлым, и научного работника, от безденежья подписавшего трёхлетний контракт и стоически принимавшего все тяготы промыслового морского труда в надежде на хороший заработок. Наиболее экзотическими человеческими экземплярами являлись, конечно, старшины фангсботов. В большинстве своём они были жителями Сахалина и стреляли зверя ещё со зверобойных шхун. Попадались виртуозы, способные с двадцати шагов выбить из карабина доньшко у пустой бутылки, положенной набок горлышком к стрелку, - пуля входила через бутылочное горло и вышибала у стеклотары дно. На Зубово был такой промысловик, по кличке Кровавый Билл (я и имени его настоящего уже не помню). Коренастый, с редкими зубами, с густой тёмной бородой (на фотографии он пятый слева среди стоящих), с кривым носом и хриплым смехом, этот сорокалетний мужик мог бы без грима сниматься в "Острове сокровищ" или в "Пиратах Карибского моря" - хотя по жизни был человеком добродушным. Романтики на зверобойном промысле не густо - в основном там тяжёлый и грязный труд. В течение нескольких месяцев несколько десятков человек живут в железной коробке, качающейся на волнах или скрежещущей по льдам. Смена обстановки отсутствует, и особых развлечений не имеется - разве что десяток кинофильмов, которые прокручивают по много раз и уже выучили наизусть. Да и не до развлечений - слишком много времени занимает работа, причём в основном однообразная и отупляющая. Неудивительно, что иногда бывали срывы - дело доходило и до жестоких драк (если тут были замешаны немногочисленные на борту женщины). Правда, такое случалось редко. И опять-таки неудивительно, что, сбрасывая стресс, экипажи зверобойных судов очень уважали спиртное - или хотя бы что-то, что под эту категорию могло подходить (например, брага). А ближе к концу промысла, когда план уже был выполнен и перевыполнен, капитан снял с охоты два бота и отправил их в Аян - за водкой. Погода не благоприятствовала дерзкому предпринятию, и ладьи посланцев долго петляли среди льдов. Добрались они до цели своего вояжа только глубокой ночью, но отступать было некуда. Вероятно, директор поселкового магазина в Аяне и по сей день хранит в своей памяти те неизгладимые впечатления, которые он получил, будучи разбужен в три часа пополуночи у себя дома группой небритых личностей с ножами и карабинами. К счастью, это оказались не беглые уголовники - ночные гости просто вежливо попросили ошарашенного работника торговли отпереть лабаз и отоварить их вождельной влагой за наличный расчёт. Вообще профессиональные зверобой жестокими

людьми не были - они просто делали свою работу, за которую им платили хорошие деньги. Приведу интересный пример. В рейсовом задании всегда указывался план по добыче, а также лимит (то есть сколько всего голов морского зверя можно добыть, не выходя за рамки установленных ограничений на отстрел). Естественно, лимит всегда был выше плана - ведь план при социализме всегда полагалось перевыполнять. Заработок при выполнении плана очень существенно отличался от заработка при невыполнении плана, а за перевыполнение полагалась дополнительная премия. В перечне объектов промысла были бельки - ещё не перелинявшие детёныши тюленей с нежным белым пушистым мехом. Патронов на застигнутых на льду беспомощных тюленят не тратили, боясь попортить ценные шкурки. Их били первобытно-варварским способом - сапогом по носу. Так вот, план по белькам выполнялся (а куда деться?), но никогда не перевыполнялся. Люди шли в море за деньгами, но у них было за душой и ещё кое-что, кроме жажды наживы...

И зачем всё это было надо?

Основную ценность среди продуктов зверобойного промысла представляли меховые тюленьи шкуры. Мясокостный фарш шёл на корм песцам, жир использовался в парфюмерии и в медицине, но на первом месте были всё-таки меха. Прочные, тёплые, водоотталкивающие меха прекрасно подходили для изготовления одежды - шапок и курток. ЗРСы выгружали шкуры-полуфабрикаты для кожкомбинатов Магадана и Providения, где эти меха проходили окончательную обработку и превращались в материал для пошива. Правда, уходили эти меховые изделия на экспорт - как и всё наиболее ценное из добывавшегося в Советском Союзе. Среди зверобоев бытовала даже такая шутка: "Вы думаете, это шкуры сложены на промысловой палубе? Нет, это пачки инвалютных рублей в золотой запас державы!". Конечно, иногда отдельные умельцы, следуя популярной присказке тех времён: "Тачи с завода каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость!", исхитрились уволочь шкуру-другую для себя лично, но массовых хищений на уровне охотников не было. На долю экипажей доставались сувениры - в основном от моржей-самцов. Нет, не клыки - их учитывали и сдавали в косторезную мастерскую в Уэлене на Чукотке. Сувениры делали из другой части тела моржа - той самой, которая часто фигурирует в ненормативной лексике. Кость из этого органа куда хуже качеством, чем кость бивня, но выжигать на ней картинки при помощи самодельных технических приспособлений было вполне возможно. После этого законченный экспонат по возвращении домой вешался на стенку напоминанием о славных приключениях давно минувших дней. Другого употребления для этого побочного продукта зверобойного промысла нет - рассказы о чудодейственных свойствах порошка из этой неприличной кости являются не более чем досужим вымыслом. В конце концов ЗРС-ы оказались не слишком рентабельны. Они были судами дорогими и технически сложными, требующими высокой квалификации машинной команды. Сезон охоты, как уже указывалось, был короток, а на ловле рыбы куда эффективнее работали чисто рыбопромысловые суда других проектов. Ко всему этому надо ещё добавить перебои с поступлением уникальных запасных частей из далёкой Польши. В результате в Советской Гавани постоянно отставались несколько ЗРС-ов в ожидании своей очереди стать на ремонт. В 1984 году Зубово, переданное из Корсакова в Магадан, даже погнало на ремонт за тридевять земель - в Финляндию. Понятно, что такая практика не могла быть постоянной: овчинка не стоила выделки - даже овчинка из тюленьих шкур.

Зверобойные суда - в частности, Зубово, - превратились в ржавые остовы в 90-х годах века минувшего. Однако в последние годы в ассортименте элитных меховых магазинов вновь появились изделия из меха нерпы. Значит, снова где-то зверобой - в угоду состоятельным людям - остряют ножи, насыщают патронами обоймы карабинов и бьют бельков сапогами по маленьким нежным носам...

Санкт-Петербург, 18-19 сентября 2004 года

ОСТРОВ СИРЕН

Эротический миф из не древнегреческой мифологии

*Мореплаватели прошлого были совершенно правы,
полагая, что женщина на борту - это проблема.
На берегу, впрочем, тоже. Зачастую.*

Когда судно пробивается сквозь плотные льды, то ощущение при этом испытываешь незабываемое - особенно если судно это относительно небольшое (не ледокол с атомной силовой установкой). Ну точь-в-точь как телега на каменистой дороге! Корпус трещит, содрогается, даже, кажется, сыпет проклятьями, словно спотыкающийся о кочки крепко податый моряк, возвращающийся с берега на пароход в режиме Алексея Маресьева - упорно и целеустремлённо. А если при этом ещё находишься в машине, в центральном посту, ниже ватерлинии, то впечатление ещё более волнующее. Стальной борт поскрипывает, стонет, и кажется, что вот-вот железо лопнет, и внутрь центрального поста управления жизнеутверждающе просунется ледяной клык - на радость людям. Вообще-то старшему электромеханику нет нужды пребывать в ЦПУ (за исключением особых случаев, оговоренных в Уставе службы на судах флота рыбной промышленности) - на это есть вахтенный. Однако "деду" (так прозвали стармехов с тех самых незапамятных времён, когда на судах торгового флота появились паровые машины и прочие механические приспособления) взбрело в голову переключить схему электродвижения на специальный ледовый режим, отличный от стандартного, и посему "сэму" пришлось торчать в машине на пару со вторым механиком. Электроснабжение на зверобойно-рыболовных судах - штука весьма капризная, и пусть даже экипаж и притерпелся к "тёмным" (то есть к регулярно повторяющимся полным обесточиваниям), их всё-таки лучше избегать. Поэтому Юрий и торчал тут, поглядывая на стрелки приборов и затягиваясь время от времени Беломором. ЗРС Зубово находился в рейсе пятый месяц. Сначала они тралили кальмара, раз за разом проутюживая воду в проливе Дианы между островами Кетой и Симушир (Вдох глубокий, руки шире, мы опять на Симушире), потом перешли на донный лов палтуса к Северокурильску. А в настоящее время дизель-электроход шёл к Шикотану с несколько необычной для рыболовческого судна миссией - подбросить солянки на электростанцию острова, сидевшую на голодном пайке. Длинный рейс - дело утомительное, и романтики там

отнодь не так много, как кажется с берега. Особенно это касается рыбпромысловых судов. Торговые пароходы хоть куда-то постоянно заходят: новые страны, новые впечатления, возможность просто побродить по твёрдой земле, в конце концов. А рыбаки - у рыбаков расклад иной: бросил трал, вытянул, вылил улов в приёмные бункеры, ссыпал на ленты транспортёров рыбцепа, отшкерил-отсортировал, заморозил, сложил в трюм. И по новой - закинул невод в синее море, вытащил рыбку, и так далее. И всё это на пяточке в несколько миль протяжённостью, где в данный момент эта самая рыбка гуляет-толстеет. Развлечений на борту минимум (время свободное всё-таки имеется, несмотря на тяжёлую работу): карты да засмотренные до дыр кинофильмы. Или что-нибудь экзотическое: пострелять из рогатки крыс, например, или засунуть таракана в судовые часы. Об этом аттракционе стоит рассказать поподробнее. Тараканов на судах вообще и на рыболовных в частности великое множество - как правило. Так вот, излавливается наиболее мускулистый представитель данного семейства и запикивается в настенные судовые часы, висящие в каютах на переборках. Часы эти типовые, открываются поворотом ключа, торчащего сбоку, и снабжены тремя стрелками: чёрными часовой и минутной и тонкой красной - секундной. Секундная стрелка движется в паре миллиметров от плоскости циферблата и почти достаёт своим подрагивающим кончиком до его края. Попавший внутрь таракан имеет в лучшем случае минуту времени до того, как неумолимый красный шлагбаум его настигнет. А вот дальше - дальше-то и начинается самое интересное! Наиболее разумный для таракана выход в сложившейся критической ситуации - это присесть и пропустить механическую дубину над головой. Но, надо полагать, существует такое понятие, как тараканья гордость. Движимый этим высоким чувством, таракан упирается всеми копытами, силясь превозмочь упругость часовой пружины. Насекомое, понятное дело, обречено на проигрыш, но можно заключить пари: и сколько же секунд таракан сможет удерживать стрелку до того, как устанет и упадёт на свои тараканьи колени, смиряясь с неизбежным и пропуская красную стрелку над головой? Захватывающее зрелище, право слово! А ещё на рыбаках пьют. Спиртное удаётся добыть редко - с транспортов при перегрузе, и кончается оно стремительно. Есть спирт у соответствующих судовых служб, но его мало, и расход его контролируется (то есть перепадает спирт только избранным). Поэтому основная масса тружеников моря пробавляется бражкой, почти никогда не завершая процесс изготовления самогона - терпения не хватает. Но главная проблема - женщины. Нет, они на борту присутствуют, однако несколько боевых единиц этого типа (кок, уборщица, буфетчица) и несколько десятков здоровых молодых мужиков - соотношение крайне неблагоприятное. Юрию довелось наблюдать в зверобойном рейсе дикую драку с поножовщиной, когда одна из корабельных красоток, одарившая своей благосклонностью двух претендентов на её прелести одновременно, вызвала самую настоящую троянскую войну общесудового масштаба. Хорошо ещё, что дело не дошло до стрельбы - здоровенный и скорый на кулак старший тралмастер вовремя убрал под замок охотничьи карабины. "Прекрасную Елену" быстренько списали на попутное судно, и страсти несколько улеглись. И вот именно из-за этой животрепыхающейся и напоминающей о себе каждую ночь проблемы известие о том, что судно идёт на Шикотан, всколыхнуло экипаж. Шикотан - остров специфический. Всё дело в том, что на нём имеется рыбоперерабатывающее производство (термины "завод" или уж тем более "комбинат" выглядят чересчур претенциозными). И на этом производстве работают исключительно женщины - их руки в таком занудливом трудовом процессе, как приготовление консервов и прочей готовой рыбопродукции, эффективнее нетерпеливых мужских. И остров этот по всему Дальнему Востоку известен и окутан ореолом половых преданий. О свободе нравов на Шикотане ходят легенды. Благонравные супруги рыбаков (не пойманые с поличным до поры до времени) считали, например, что сам факт посещения их мужьями этой обители разврата неоспоримо свидетельствует об измене, ибо устоять перед чарами пышногрудых сирен практически невозможно. Был там - значит, было! Второй механик рассказывал Юрию о бурной сцене, которую устроила жена одного из его приятелей, узнавшая о том, что сейнер мужа заходил на Шикотан. Поначалу вышеупомянутый приятель клялся-божился, что он и ногой не ступал на землю распутного острова, а всю стоянку добросовестно ремонтировал двигатель, однако после превышения определённого уровня принятого на грудь спиртного проговорился, что ходил там в магазин. Дело кончилось яростным битьём посуды и едва не дошло до развода. Существовала даже характеристика, применяемая для определения высшей степени сексуальной раскрепощённости той или иной особы: "Да её за б.....ство с Шикотана выгнали!". При этом подразумевалось, что быть изгнанным с Шикотана за это самое - это как если быть уволенным из гестапо за жесткость... Лёд уступал натиску лошадиных сил ЗРСа. Ходу до острова оставалось часа три, не более.

* * *

- Ну, что скажешь, инженер душ человеческих? - и капитан-директор испытующе посмотрел на замполита. Тот промолчал. На вопросы "папы" (это на грузовиках капитана называют "мастер", на рыбаках мастер - понятие вполне конкретное, мастер обработки или там мастер добычи) полагается отвечать, но если вопрос риторический... Зубово стояло в бухте на якоре. Берег рядом - рукой подать. Тёмные скалистые сопки, испятнанные снегом, россыпь облезлых барачков и домиков и деревянный причал, где обычно швартовались подходившие с моря сейнера.

- Чего молчишь?

- А что тут говорить, Василь Андреич? Извлекать надо.

- Извлекать... - капитан витиевато выругался. - Это я и сам понимаю.

Они стояли на Шикотане третьи сутки. Топливо слили торопливо, и тут же отошли на рейд, оберегая команду от соблазнов зачарованного берега. Но на этот самый берег был направлен продотряд в составе второго помощника капитана и двух матросов для пополнения за наличку судовых провизионных закромов, весьма оскудевших за долгие месяцы рейса. Заготовители бодро сошли на причал, провожаемые исполненными лютой зависти взглядами, и... пропали. На связь они не выходили, и судьба храбрых моряков оставалась неизвестной. Впрочем, подозревать трагичное особых оснований не было: вполне логично напрашивалось куда более разумное объяснение таинственного исчезновения аргонатов, оказавшихся на населённом коварными сиренами острове. Однако уйти без них пароход не мог, и надо было что-то делать. По промысловой палубе слонялись матросы траловой команды, но было видно невооружённым глазом, что мысли их очень далеки от ремонта орудий лова. Время от времени очередной мореплаватель подходил к фальшборту и пристально всматривался в очертания манящей земли.

- Чёрт с ними... - буркнул капитан, резким движением швыряя за борт окурков. - Пойдём к причалу.

* * *

Тропинка была узкой и извилистой, но наверняка вела к цели.

- Вот что, "сэм", - напутствовал Юрия "дед", - на палубную дружину мне как-то плевать, но вот наших ты мне същи!

Шёл второй день стоянки у пирса. Отпущенные на берег вчера должны были вернуться к утру, однако никто из них к назначенному часу не прибыл. Более того, исчезли и более стойкие, не отправившиеся на поиски приключений с первой волной десанта. Судно всё больше походило на всеми покинутый "Легучий Голландец", в гулких внутренностях которого нет и признака живой души. Выполнять поставленную "дедом" задачу пошли втроем - компанию Юрию составили моторист и рефмеханик, люди, в общем-то, степенные и солидные. Нить Ариадны прежде всего привела троицу в местный лабаз, где они незамедлительно запаслись спиртным - "живая вода" всегда пригодится, особенно если один соблазн придётся перешибать другим. Денег у рыбаков не было - образ жизни на судне в рейсе чем-то похож на гипотетический коммунизм, где деньги не требуются, - поэтому был произведён натуральный обмен: четыре блока мороженого палтуса на четыре бутылки водки. В ответ на робкий вопрос о возможном местонахождении без вести пропавших выдавшая виды продавщица неопределённо махнула рукой.

- Да в бараках они, у вербованных, где им ещё-то быть!

Одноэтажный деревянный барак стоял тих и тёмный, лишь кое-где из окон пробивались узкие полоски света. Входная дверь была открыта, и разведчики, поднявшись по ступенькам ветхого крыльца, проникли в длинный коридор с рядом ведущих в комнаты дверей по обе его стороны. Все двери оказались заперты, кроме одной - в дальнем конце коридора. Оттуда на крашенные коричневой краской доски коридорного пола падал свет, и доносился неясный шум. Ориентируясь на этот путеводный маяк, группа захвата осторожно приблизилась к открытой комнате и заглянула внутрь. Первое, что они увидели - это дёргающийся тощий зад матроса-артельщика, самозабвенно трудившегося над размазанной по койке справа от двери девицей без признаков одежды. Раба любви находилась в том градусе опьянения, когда окружающее уже утрачивает различаемые контуры, и реагировала на происходящее с ней только невнятнымися междометиями. Второй матрос пытался пристроиться к событию с какого-нибудь другого бока, однако пребывал в небоеспособном состоянии, и все потуги его оставались тщетными. У окна священнодействовала другая парочка: обитательница пещеры в костюме Евы опиралась ладонями о тумбочку, а гость-пленник плотно вцепился в бёдра сирены сзади. Проникнувшись величием момента, хозяйка жилища периодически вскидывала склонённую голову, отчего её длинные волосы рассыпались по обнажённым плечам. За столом слева восседали боцман и рыбообработчик, методично вливавшие в себя водку из гранёных стаканов. Компанию им составляла третья красавица, сидевшая на табуретке в коротком ситцевом халатике. Скорее всего, эти переводили дух после того как. Пирующие встретили новоприбывших одобрительными возгласами, носительница халата живенько спрыгнула на пол и устремилась навстречу гостям с плотоядным урчанием. Накинутый на голое тело халатик распахнулся, явив пытливым взорам аппетитную грудь и более того. Юрий чуть повернулся, хищница миновала его и ухватилась за рефмеханика. Прочие действующие лица, всецело занятые сами собой, на появление новых персонажей не обратили ровным счётом никакого внимания. Сели. Выпили. Закурили. Та, что на койке, спихнула с себя артельщика, встала, пошатываясь, отодвинула в сторону незадачливого соискателя и побрела в коридор, нимало не смущаясь собственной полной наготы. Те, что у окна, прервали своё увлекательное занятие и направились напрямик к столу, правильно оценив ситуацию и вспомнив известное выражение: "Кто не успел, тот опоздал!". Тем временем моторист бесшумно исчез, дематериализовавшись, что заставляло заподозрить действие злых чар, а рефмеханик был усажен на табурет, и завладевшая им победительница плюхнулась к нему на колени. "Сэм" вышел на крыльцо и задумался. Безнадёжно. Любая попытка вырвать заблудших из сладостного плена обречена на провал. Скрестись в запертые двери, за которыми понятно что творится, бессмысленно: в лучшем случае он сам разделит судьбу соплавателей, а в худшем... В худшем можно и нарваться! Рыбаки - ребята крепкие, а отрывать изголодавшихся от пищи небезопасно. Присоединиться к разгулу плоти? Но при всей рыбацкой демократичности существовала всё же некая граница между матросами и комсоставом, и соучастие начальника службы в коллективном грехопадении могло быть понято не очень - не следует нарушать определённых неписаных правил. Наверняка второй штурман не находится посередине оргии народных масс: затаился, небось, где-нибудь на отшибе, старый жук. Занимается, несомненно, тем же самым, но не отвечает на публике... И потом: ну постоит их ЗРС на гостеприимном острове лишней денёк-другой, и что из этого? Вряд ли производственные показатели рыбной отрасли промышленности Дальнего Востока существенно снизятся. И вообще вся эпопея завершится естественным образом: насытившиеся сирены (их, как и моряков, тоже можно понять) просто-напросто отпустят пленников на все четыре стороны. Все довольны, все смеются! И приняв это поистине соломоново решение, - пусть всё идёт своим чередом! - Юрий сбежал по издавшим жалобный скрип разошедшимся ступенькам, оглянулся, бросил последний прощальный взгляд на занавешенные тёмные окна храма сирен, не заметил там никаких признаков жизни и зашагал по тропке через наступавшие сумерки домой. На паром.

* * *

В последние годы Юрий полубил смотреть информационные выпуски новостей. В вязком месиве рекламы (предназначенной для одноклеточных созданий), тупых американских боевиков (где стандартная героиня, бросаясь к выпавшему с головокружительной высоты - из горящего вертолёта или с верхнего этажа рушащегося небоскрёба - еле живому герою, надрывно восклицает: "Are you o'key?") и бесконечных телешоу (имеющих разные названия, но скроенных по одному шаблону) выпуски новостей, излечившиеся от кастрированности советских времён, как-то незаметно сделались едва ли не самыми интересными передачами. Повинуясь пульту дистанционного управления, яркая картинка пивного водопада (пиво Юрий уважал, - а с крветками даже очень, - но совсем не считал, что отсутствие данного напитка означает скуку смертную) исчезла и сменилась искомыми новостями. - ...притязания японской стороны на острова Малой Курильской гряды не могут быть признаны правомерными и исторически обоснованными. Статус островов Итуруп, Уруп, Кунашир и Шикотан установлен по итогам Второй Мировой войны, и вопрос о так называемых "северных территориях", вопрос о передаче этих островов под юрисдикцию Японии - в той или иной форме - может рассматриваться лишь в контексте долгосрочного экономического сотрудничества между нашими странами. Позиция России... "Хрен вам в грызло, самураи! - подумал Юрий. - Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим! Шикотан им подавай... А вообще-то интересно было бы посмотреть на остров при японском правлении - как вписались бы в их порядки наши доморожденные гейши. Хотя почти двадцать лет прошло, и что там сейчас - аллах ведаёт. Любвеобильные сирены начала восьмидесятых вышли из употребления в тираж, то бишь на заслуженный отдых, и разлетелись по всей стране. Велика Россия... А может, подросли новые - свято место пусто не бывает".